

ГАЛИНА ШЕЛОГУРОВА

Русский учебный центр МС –
Международное сотрудничество
107122 Москва
Сиреневый бульвар, 3

**ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ
В НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ СПОРЕ
(А. П. ЧЕХОВ *ДУЭЛЬ*)**

**AN EXTREME REASON IN UNWINNABLE DISPUTE
(ANTON CHEKHOV'S 'THE DUEL')**

Феномен дуэли в одноименной повести Чехова рассматривается в контексте осмысления писателем одной из базовых моделей русской культуры на фоне сложившейся в течение XIX века литературной традиции. Кардинальное переосмысление последней в данном произведении анализируется с опорой на специфику диалога в творчестве писателя, что позволяет интерпретировать дуэль как показательный элемент «бесконтактного» спора, не имеющего перспективы разрешения.

Ключевые слова: дуэль, конфликт, антагонист, спор.

The paper presents an attempt to interpret the duel in Chekhov's novella as an argument of the implicit controversy. From this point of view the reason declared by Von Koren (a clash of ideas) is corresponding with plot and seems to be false. The author tries to prove that personal categories (envy, hate) are more significant in the particular type of conflict described by Chekhov.

Keywords: duel, conflict, dialogue, antagonist, controversy.

Как известно, Чехову выпала участь завершителя многих традиций русской литературы XIX века, большинство из них получают неожиданное и оригинальное преломление в его художественной системе. Дуэль являлась одним из показательных маркеров отечественной культуры на протяжении практически всего столетия. В чеховском творчестве ситуация дуэли встречается неоднократно, формируя при этом неоднозначное поле смыслов. Так, например, *Медведь* и *Три сестры* ориентируют на гротескно-комическое и трагическое осмысление как самого факта дуэли, так и сопутствующих ей обстоятельств. *Концептуальный* подход к дуэли как регулятору

противоречий в определенных слоях общества и как к одному из доминантных кодов русской литературы предложен Чеховым в повести с одноименным названием. То обстоятельство, что само понятие выносится автором в заглавие и таким образом оказывается в сильной позиции, достаточно симптоматично. Поединок между Лаевским и фон Кореном формально можно считать кульминацией развития внешнего действия. Отсюда может возникнуть соблазн трактовки дуэли в чеховской повести по модели, сформировавшейся в литературной традиции, в соответствии с которой дуэльная ситуация воспринималась как некий момент истины. Важнейшим итогом дуэли, независимо от ее исхода, оказывалось решение вопроса о том, кто одержал победу (в прямом или переносном смысле) в противостоянии. Статус дуэли как безусловного критерия оценки героя не ставился под сомнение. В художественном мире Чехова действует более сложный механизм формирования точки зрения на героя, который в принципе исключает возможность окончательного суда над ним¹. Поэтому невозможно рассматривать дуэльный концепт повести в системе критериев, применяемых к произведениям предшественников Чехова (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого). В этой связи уместно вспомнить утверждение Александра Чудакова, ставшее в свое время одним из открытий в отечественном чеховедении:

Художественная система Чехова принадлежит к числу объектов, к которым не применимы утверждения, аксиоматичные для прежних (и последующих, продолжающих старую традицию) художественных построений².

Сложившаяся в XIX веке традиция изображения дуэли в литературе трактует ее как некий последний аргумент в споре (личного или идеологического характера), который обычно становится определяющим для сюжетного развития. Поединок, независимо от его исхода, ставит точку в отношениях персонажей, ему, как правило, предшествует развитие конфликта на вербальном уровне, что реализуется в соответствующих видах диалога (спор, ссора, скандал). В повести *Дуэль* мы имеем дело с весьма специфическим видом коммуникативной ситуации (по всем признакам конфликтной), которая развивается по преимуществу «бесконтактно». Декадентствующий потомок «лишних людей» Лаевский и позитивист фон Корен не сталкиваются, как того можно ожидать, в открытых спорах на идейной почве. Первый, увязнув в проблемах своего внутреннего «я», вообще лишен какой-либо бойцовской интенции и подчеркнуто уклоняется от вызовов и провокаций потенциального антагониста, о чем свидетельствуют слова последнего:

¹ Об этом, в частности, пишет В. Я. Линков, подчеркивая недостоверность суждений персонажей Чехова друг о друге. См.: В. Я. Линков, *Художественный мир прозы А. П. Чехова*, Москва 1982, с. 39.

² А. П. Чудаков, *Поэтика Чехова*, Москва 1971, с. 281.

В качестве друга я журил его, зачем он много пьет, зачем живет не по средствам и делает долги, зачем ничего не делает и не читает, зачем он так мало культурен и мало знает, – и в ответ на все мои вопросы он горько улыбался, вздыхал и говорил: «Я неудачник, лишний человек!», или: «Что вы хотите, батенька, от нас, осколков крепостничества», или: «Мы вырождаемся...». Или начинал нести длинную галиматью об Онегине, Печорине, байроновском Каине, Базарове, про которых говорил: «Это наши отцы по плоти и духу»³.

В более «острой» ситуации на пикнике (гл. XV), когда конфликт обозначен уже достаточно отчетливо, Лаевский вновь демонстрирует полное отсутствие интенции дать отпор подчеркнуто грубым выпадам фон Корена. Его уход от возможной ссоры, помимо прочего, выражается на уровне пространственных перемещений:

Лаевский знал, что его не любит фон Корен, и потому боялся его и в его присутствии чувствовал себя так, как будто всем было тесно и за спиной стоял кто-то. Он ничего не ответил, *отошел в сторону* и пожалел, что поехал (380) [выделено мной – Г. Ш.].

Второй участник бесконтактного конфликта, казалось бы, отчетливо обозначает свою позицию, настойчиво демонстрируя нетерпимость по отношению к Лаевскому, и не устает произносить пространственные филиппики в его адрес. Однако показательно, что делает он это всегда в отсутствие предмета критики⁴. Немаловажно также то обстоятельство, что его аудиторией оказываются абсолютно неконфликтные по своей сути персонажи – дьякон и доктор Самойленко. При этом дьякон по большей части проявляет индифферентность (до XVI главы), а доктор выполняет функцию некоего медиума между сторонами необъявленного конфликта, безуспешно пытаясь их сблизить. Таким образом, главные герои произведения оказываются не антагонистами (так как агон здесь попросту не имеет места), а антиподами, и в этом случае конфликт едва ли может иметь межличностный характер. Как известно, одним из характерных признаков дуэльной ситуации является наличие противостояния двух индивидуумов, каждый из которых защищает свое личное пространство⁵. Потому столь неожиданным и выпадающим из хронотопа произведения оказывается способ разрешения «заочного» конфликта между героями.

³ А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт.*, Москва 1985, т. 7, с. 364. Здесь и далее цитаты из текста повести приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Возможно, на этом основании автор монографии о специфике коммуникации в произведениях Чехова не относит речи фон Корена к типу судебных (по известной классификации Аристотеля). См.: А. Д. Степанов, *Проблемы коммуникации у Чехова*, Москва 2005, с. 158.

⁵ См. подробнее: И. Рейфман, *Дуэль как акт агрессии: Термины и определения*, [в:] она же, *Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе*, авторизованный перевод с англ. Е. А. Белоусовой, Москва 2002, [Электронный ресурс] <http://ec-dejavu.ru/d-2/Duel-2.html> [23.03.2015].

В повести Чехова бессмысленно искать базовые категории дуэли, как она осмыслялась в первой половине XIX века в среде тех, кого Яков Гордин называет представителями «дворянского авангарда»⁶. В российской провинции конца XIX века, в среде штатских подобная модель попросту непредставима. Причиной, побудившей героев перейти к выяснению отношений с оружием в руках, становится не защита собственной или чьей-либо чести. Как уже отмечалось, вызов на дуэль при отсутствии личных причин невозможен. У Лаевского и фон Корена практически нет шанса «скрестить шпаги», так как их жизненные линии в рамках повествования развиваются по касательной, скорее даже параллельно. Прежде всего значимо отсутствие предмета разногласий – базовой категории любого вида классического диалога, не только полемического. На уровне лично-бытовом героям, как будто бы, нечего делить, их интересы не пересекаются ни на любовной, ни на профессиональной, ни на какой-либо другой общей территории. Как носители взаимоисключающих идеологий они так и не вступают в открытую конфронтацию в пространстве текста. Но Лаевский и фон Корен сосуществуют по антиномичной модели, а антиномия в пределе стремится к разрешению. Чехов моделирует специфическую коммуникативную ситуацию, когда наличие полярных точек зрения (репрезентантами которых априорно являются герои) не создает энергетического напряжения, необходимого для возникновения прямого диалога. У Чехова немислим диалог в платоновском смысле. Поиск истины, которая уже не осознается как некая безусловная данность личностью рубежа веков, априорно лишен смысла – это своего рода философская предпосылка отказа от феномена спора в его традиционном для русской литературы смысле.

В произведениях зрелого Чехова девальвация слова как главного инструмента человеческих отношений всегда является причиной деформации межличностных отношений и, соответственно, – источником коммуникативной трагедии в его произведениях (хрестоматийный пример – эгоцентрический чеховский диалог, часто называемый диалогом глухих). Поэтому словесный поединок как норма речевого существования героев предшествующей литературы оказывается недейственным в художественном мире Чехова. Характерно, что подлинная кульминация, связанная с внутренним действием, к моменту дуэли уже пройдена (гл. XVII). И, в соответствии с авторской волей, акт самосознания Лаевский проживает в одиночестве, главные слова произносятся им в ситуации отсутствия антагониста, да и вообще диалогического партнера.

Дуэль как эксцентричный и, в общем-то, случайно подвернувшийся способ выхода из ситуации в повести априорно не ведет к гармонизации внутреннего мира каждого из участников и окружающей их жизни. В чеховской модели

⁶ Я. Гордин, *Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни*, Санкт-Петербург 1996.

мира, лишенной резко выраженной полярности, столь радикальное средство разрешения противоречий звучит резким диссонансом. Дуэль воспринимается не просто как анахронизм, порождающий пародийно-комедийный дискурс (сцена поединка), но и как явное нарушение правил ведения диалога со стороны фон Корена, который действует некорректно: сначала, действуя исподтишка, доводит Лаевского до нервного срыва, а днем позже буквально провоцирует его, вновь ввергая в состояние истерики и ловя на слове.

Лаевский, уже не помнивший, какие он слова говорил, отвечал:

– Оставьте меня в покое! Я ничего не хочу! Я хочу только, чтобы вы и немецкие выходцы из жидов оставили меня в покое! Иначе я приму меры! Я драться буду!

– Теперь понятно, – сказал фон Корен, выходя из-за стола. – Господину Лаевскому хочется перед отъездом поразвлечься дуэлью. Я могу доставить вам это удовольствие. Господин Лаевский, я принимаю ваш вызов (415).

Для естествоиспытателя это не просто речевая уловка, за ней прочитывается желание применить на практике свои теоретические взгляды, потому он готов перевести категорию парадокса из сферы речи в сферу действия и идет на экстравагантный поступок. Но любовь к парадоксам и частое оперирование ими не является безусловной прерогативой фон Корена как оратора и «провокатора». Он, сам того не замечая, часто оказывается его пленником, демонстрирует вместо декларируемой цельности природы противоречивость собственного «я». Утверждая научные и социальные основания неприятия Лаевского (вплоть до лишения того права на существование), он не выдерживает объективно-бесстрастного тона. На наличие эмоциональной составляющей указывает впечатляющая продолжительность его монологов, посвященных Лаевскому, а также резкие переходы от характеристик научного либо социального плана («развернутый и извернутый субъект», «вреден и опасен для общества, как холерная микроба»), к сниженной лексике («ничтожество», «мерзавец», «мазурик», «шарлатан»). Результатом запальчивости говорящего можно считать «речевой прокол» оратора, когда заявленный им очередной пункт обвинения не получает текстуального наполнения: «В-четвертых... Фон Корен быстро съел свою крошку и отдал денщику тарелку» (с. 363). После чего биолог переключается на рассказ об их знакомстве и коротком сближении с Лаевским в прошлом.

Более логичным было бы ожидать эмоциональной реакции на соперника от развинченного «гамлетика» и невротика Лаевского, однако его монолог о фон Корене не содержит оскорбительных выпадов и звучит взвешенно. Неспособность контролировать эмоции, особенно для персонажа, с таким самосознанием, как у фон Корена (сила воли, владение абсолютной истиной, логическая безупречность формулировок), чрезвычайно показательна. Это – знак слабости, уязвимости героя, которую он никогда не признает на вербальном уровне. Однако неоправданно личное проживание заявленной им

отвлеченной идеологемы (с учетом такого маркера, как немецкая фамилия персонажа), наводит на определенные размышления.

На протяжении всей повести фон Кореном движет вполне определенный тип реакции на Лаевского как на конкурента, не дающего биологу стать безоговорочным властителем дум населения провинциального городка⁷. Неважно, что Лаевский не стремится к лидерству, симпатия к нему окружающих возникает помимо его воли. Для фон Корена, как для человека сальерианского типа (при том, что сама модель в данном случае абсолютно выхолощена), достаточно двух обстоятельств, чтобы вынести смертный приговор сопернику: а) окружен любовью, б) недостоин. Стремление лично устранить мировую несправедливость и есть тот импульс, который инспирирует слова и действия фон Корена. В повести Чехова модель взаимоотношений героев принципиально отлична от пушкинской, здесь отсутствует внятный повод для появления зависти, поскольку герои самоопределяются в разных сферах.

Внешняя немотивированность эмоции фон Корена не ослабляет ее интенсивности. Интересно, что слово «ненавижу» бросает в лицо противнику Лаевский (гл. XV), но руководствуется ненавистью как раз фон Корен⁸, который решительно отмежевывается от самого понятия (гл. II). Критерием истины в данном вопросе становится готовность уничтожить противника: невозможность ни при каких обстоятельствах выстрелить в человека (Лаевский) и твердое намерение фон Корена лишить жизни того, кто так бесит и раздражает его самим фактом существования. О внерациональных основаниях завтрашнего поединка высказываются и сами герои:

Лаевский «думал, что дуэль вообще глупа и бестолкова, так как она не решает вопроса, а только осложняет его, но что без нее иногда нельзя обойтись» (420).

Мы с вами будем говорить, что это глупо и нелепо, что дуэль уже отжила свой век, что аристократическая дуэль ничем по существу не отличается от пьяной драки в кабаке, а все-таки мы не остановимся, поедим и будем драться. Есть, значит, сила, которая сильнее наших рассуждений (425).

Внутреннюю пружину заочного противостояния, приведшего к экстремальной форме выяснения отношений в повести Чехова, помогает обнаружить рассуждение Аристотеля. Речь идет о том месте *Риторики*, где сравниваются понятия «гнев» и «вражда» и рассматривается взаимосвязь последней с категориями ненависти:

⁷ До того, как Лаевский говорит о мести биолога за то, что он не поддался его влиянию, в тексте появляются выразительные намеки на потаенные претензии фон Корена, самый показательный из которых – его тайная игра в Пушкина, доминантную фигуру русской национальной культуры (гл. II).

⁸ Именно этим словом характеризуют отношение биолога к Лаевскому Самойленко и дьякон, независимо друг от друга (гл. II, гл. XVIII).

Что же касается вражды и ненависти, то очевидно, что их нужно рассматривать с помощью понятий противоположных. Вражду порождают гнев, оскорбление, клевета. Гнев проистекает из вещей, имеющих непосредственное отношение к нам самим, а *вражда может возникнуть и без этого, потому что раз мы считаем человека таким-то, мы ненавидим его*. Гнев всегда бывает направлен против отдельных объектов [...] а ненависть [может быть направлена] и против целого ряда объектов [...]. Гнев врачуетса временем, ненависть же неизлечима. [...] Гнев соединен с чувством огорчения, а ненависть не соединена с ним: человек сердящийся испытывает огорчение, а человек ненавидящий не испытывает; первый может смягчиться, если [на долю ненавидимого] падет много [неприятностей], а *второй [не смягчится] ни в коем случае*, потому что первый желает, чтобы тот, на кого он сердится, за что-нибудь пострадал, а *второй желает, чтобы [его врага] не было*⁹ [выделено мной – Г. Ш.].

В связи с последней фразой из приведенного отрывка отметим устойчивое отсутствие сочувствия у фон Корена к противнику, о котором говорят все главные персонажи повести: с общечеловеческих позиций – Самойленко и сам Лаевский, с христианских – дьякон. Уже признавшего собственное жизненное поражение Лаевского фон Корен готов безжалостно добить:

До вчерашнего дня я полагал, что истерика бывает только у дам, и потому думал сначала, что у вас пляска святого Витта.

Лаевский заискивающе улыбнулся и подумал: «Как это неделикатно с его стороны. Ведь он отлично знает, что мне тяжело...» (416).

Поведение фон Корена отменяет ключевые для дуэльного комплекса понятия чести и достоинства. Человек, готовый убить якобы за идею, на уровне частного поведения допускает низкие поступки (уколы исподтишка, анонимные записки издевательского характера). Здесь можно увидеть некую проекцию Базарова (тоже естествоиспытателя, сторонника практических дел) с его презрением к аристократическим условностям. В своем пренебрежительном отношении к дуэли как барской причуде Базаров, однако, последователен. У Чехова же абсурдность ситуации состоит в том, что именно фон Корен становится инициатором поединка и едва ли не единственный демонстрирует серьезное отношение к происходящему во время дуэли.

Таким образом, выступая на вербальном уровне человеком, ориентированным в будущее, на уровне поступков биолог проявляется как приверженец мертвых ритуалов и носитель отживших смыслов. За его участием в дуэли и реакцией на нее просматривается культурная незрелость, неразвитость вкуса, что не дает ему возможности отделить жизнь от литературной модели (а именно это происходит в сознании других участников – офицера Бойко и доктора Устимовича, демонстрирующих остранинно-насмешливый или раздраженно-циничный взгляд на происходящее). Дуэль в мире чеховских

⁹ Аристотель, *Риторика*, гл. 4. 1381 b, [в:] *Античные риторика*, Москва 1978, с. 81.

персонажей не выполняет своей функции, поскольку любая форма конфликта здесь невозможна по той причине, что герои до конца повествования не в состоянии «познать себя». Троекратный финальный рефрен «Никто не знает настоящей правды» – тот символ веры, к которому приходят участники поединка (симптоматично, что автором этой формулы оказывается не кто иной, как тот же фон Корен). Это откровение, на котором сходятся вчерашние противники, однозначно закрывает перспективу, казавшуюся безграничной для культуры XIX века и связанную с представлениями о споре как продуктивной форме диалога, порождающего новые смыслы.

Библиография

- Аристотель, *Риторика*, [в:] *Античные риторики*, Москва 1978.
- Гордин Я., *Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни*, Санкт-Петербург 1996.
- Линков В. Я., *Художественный мир прозы А. П. Чехова*, Москва 1982.
- Рейфман И., *Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе*, авторизованный перевод с англ. Е. А. Белоусовой, Москва 2002, [Электронный ресурс] <http://es-dejavu.ru/d-2/Duel-2.html> [23.03.2015].
- Степанов А. Д., *Проблемы коммуникации у Чехова*, Москва 2005.
- Чехов А. П., *Дуэль*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт.*, Москва 1985.
- Чудаков А. П., *Поэтика Чехова*, Москва 1971.